

Когда Жуань Мэй впервые привезла крошечное яйцо феникса на космическую станцию Герта, она не испытывала особых чувств, воспринимая его лишь как редкий объект для исследований.

Она поместила яйцо в инкубатор и заглядывала туда раз в день — лишь затем, чтобы убедиться, что оно еще подает признаки жизни, после чего тут же уходила.

Позже, когда птенец немного подрос и окреп, уходом за Жуань Цинхуань занялись куклы Герты. Жуань Мэй иногда заставляла настоящую Герту за тем, как та баюкала Цинхуань, и, наблюдая за её заботой, спрашивала:

— Она тебе так нравится?

Взгляд Герты был прикован к Цинхуань. Она смотрела, как крошечная пухлая ладошка малышки пытается обхватить её мизинец, и в её глазах читалось бесконечное обожание:

— Нравится.

Увы, все, у кого не было кровной связи с Жуань Цинхуань, души в ней не чаяли. Сама же Жуань Мэй, казалось, считала, что просто завела птичку — пусть и птичку, связанную с ней узами крови.

— И что в ней такого?

— Она немного на тебя похожа. Глядя на неё, я будто вижу тебя в детстве.

Жуань Мэй внимательно присмотрелась к Цинхуань, но не нашла ни капли сходства. Для неё та оставалась лишь птенцом, и даже когда она вырастет, она всё равно останется птицей.

— Эх, такая же недотрога, как и её мать.

Герта пощипала Цинхуань за крошечный кончик ушка и, подняв взгляд на Жуань Мэй, добавила:

— Она еще мала. Когда подрастет и научится говорить, ты перестанешь видеть в ней лишь птицу.

В конце концов, разве бывают птицы, говорящие по-человечески?

Когда Цинхуань подросла и у неё начали прорезаться зубки, она стала узнавать людей. Стоило ей увидеть Жуань Мэй, как она тут же начинала улыбаться, словно понимала, что та — её мать. Она была такой милой и живой. Однако Жуань Мэй, видя, как Цинхуань машет ей ручкой с рук куклы Герты, оставалась бесстрастной. На её лице не дрогнул ни один мускул — она по-прежнему относилась к ней как к птице. Зато её приемная мать, Герта, всегда восторженно отвечала на приветствия.

Результатом стало то, что, когда птичка наконец научилась ходить, чаще всего её можно было

встретить в лаборатории Герты. А первым словом, которое она произнесла, когда у неё прорезались все зубы, оказалось не мама Жуань, а мама Герта.

Однажды Жуань Мэй проходила мимо лаборатории Герты и случайно услышала детский лепет своей дочери. Заглянув внутрь, она увидела, что Герта сидит, закинув ногу на ногу и паря над магическим посохом, а её дочь стоит на полу и пытается о чем-то договориться. Герта ей отказывала.

В следующую секунду Цинхуань, подобно любому питомцу, который знает, как умаслить хозяина, начала тереться своей головкой о затянутую в черный капрон ногу Герты. Это было действительно унижительно, но разве может быть стыдно дочери перед матерью?

— Ну возьми меня посмотреть, ну пожалуйста... — канючила Цинхуань.

Оставив попытки тереться о ногу, она с надеждой посмотрела на Герту, а затем вцепилась пухлыми ручками в её бедро, стараясь придать своему лицу максимально невинное выражение, превратившись в живой магнитофон с нежным голоском:

— Посмотреть, ну дай посмотреть, ну пожалуйста...

Герта невозмутимо убрала её руки, слегка улыбнувшись уголками губ:

— Говори нормально, не надо выпрашивать.

Цинхуань замолчала. Попытка быть милой провалилась, и птичка обиженно сжалась в пушистый комочек.

— Иди сама, — отрезала Герта.

Цинхуань молчала, глядя на неё кристально-фиолетовыми глазами, полными тоски. Узоры феникса в уголках её глаз не были такими узкими, как у других представителей её рода, и сейчас это придавало её лицу особенно невинный вид.

После едва слышного смешка Герта усадила Цинхуань к себе на колени — её излюбленное место — и принялась играючи покачивать её пухлые ручки.

— Ладно, я возьму тебя с собой, но сначала ты должна спросить разрешения у своей матери Жуань.

Настроение птички, сменившееся с растерянности на восторг, тут же улетучилось, стоило прозвучать этому имени. Выражение её лица стало таким, будто она вот-вот готова была заявить, что они с Жуань Мэй едва знакомы.

Жуань Мэй, стоявшая в дверях, лишь молча наблюдала.

Как бы то ни было, но Жуань Мэй действительно приревновала дочь к Герте. В порыве ревности она забрала Цинхуань и отправилась на Лофу Сяньчжоу, подальше от когтей Герты.

Герта лишь недоуменно приподняла бровь. Нечестная игра, не так ли?

Все копии Герты по сути были ею самой, и это давало ей преимущество. Она видела каждый шаг взросления Цинхуань, поэтому могла быть уверена, что та не вырастет избалованной. Она видела, как Цинхуань готовит для неё пирожные из османтуса, как из несмышленного птенца превращается в прекрасную девушку, как шаг за шагом учится летать всё выше и выше.

Незаметно для всех маленькая дочка выросла, перестала бояться чужих, и мама Жуань стала для неё самым близким человеком. Но когда всё начало налаживаться, откуда ни возьмись появился лисолюд на звездном ялике, одолженном у учителя, и с легкостью увел её сокровище.

Что тут скажешь? Поставьте себя на место Жуань Мэй: вы сто лет растили своего маленького феникса, а его взяли и увели. Что тут еще можно добавить?

Герта была в ярости. Откуда только взялся этот лисолюд? Как он посмел увести её любимицу! Даже всегда снисходительная Герта была против этого брака, не говоря уже о Жуань Мэй.

Но, как говорится, если дочь выросла — её не удержать. Если небо хочет дождя, а дочь хочет замуж — никто не помешает. Жуань Мэй, видя, что ничего не поделать, решила на крайние меры и поставила ультиматум: если не вернешься домой, мы разорвем все связи.

В глубине души она была уверена, что дочь не сможет полностью оставить её, ведь Цинхуань была известна тем, что терпеть не могла никаких трудностей.

Но... возможно, она знала свою дочь меньше чем на один процент. Цинхуань действительно предпочла порвать с ней отношения.

После того как Цинхуань окончательно ушла, Жуань Мэй начала копаться в себе. Она думала о том, в чем же она была так неправа, что Цинхуань предпочла уйти в никуда, лишь бы не оставаться с ней. Спросив себя, она решила, что была лучше большинства матерей в этом мире. Она ведь говорила, что готова заботиться о ней всю жизнь, и это было ей вполне под силу.

Исследователи на станции Герты однажды шутили: Быть человеком порой хуже, чем быть кошкой. Если ты кошка, то даже если ты будешь шипеть на людей, найдется тот, кто, не боясь быть исцарапанным, будет кормить тебя с рук.

Другой исследователь возразил: Не согласен. Чтобы быть кошкой, тоже нужно уметь правильно родиться. Посмотрите хотя бы на кошечек Жуань Мэй: другие кошки голодают, а её — носят украшения.

Первый развел руками: Разве это можно сравнивать?

Да, даже если бы она была просто кошкой Жуань Мэй, она ни в чем не знала бы нужды. Жуань Мэй никак не могла понять, о чем же на самом деле думала Цинхуань.

<http://bllate.org/book/21357/2173023>